

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Светлой памяти
деда и отца, литературоведа
Бориса Степановича
ВИНОГРАДОВА
посвящается

А. В. ВИНОГРАДОВ,
В. Б. ВИНОГРАДОВ

ЛЕРМОНЦОВ

И МАРШЫНОВ:

*КАВКАЗСКИЕ КОНТУРЫ
ПРАВДЫ*

Армавир - 2001

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Практические опыты
исторического регионоведения
Вып. 23.

А. В. ВИНОГРАДОВ,
В. Б. ВИНОГРАДОВ

ЛЕРМОНТОВ

И МАРШИНОВ.

*КАВКАЗСКИЕ КОНТУРЫ
ТРАГЕДИИ*

(историко-литературоведческий очерк)

Изд. 2-е, доп.

Армавир - 2001

Армавирский госпединститут. Ка-
федра регионоведения и специаль-
ных исторических дисциплин. А. В.
Виноградов, В. Б. Виноградов. Лер-
монтов и Мартынов: Кавказские кон-
туры трагедии. Армавир. 2001. 20
с.

Очередной выпуск серии «Практические опыты исто-
рического регионоведения» призван в какой-то мере
обобщить усилия научно-педагогической школы В. Б. Ви-
ноградова в плане изучения всегда злободневной, пол-
ной неясностей и загадок, темы взаимоотношений М. Ю.
Лермонтова и Н. С. Мартынова, приведших к роковому
выстрелу.

Авторы работы - академик, профессор, заслуженный
деятель науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-
Ингушской АССР В. Б. Виноградов и старший препода-
ватель АГПИ, депутат Армавирской городской Думы А.
В. Виноградов, - адресуют ее всем, кто интересуется
историей Северного Кавказа и литературных связей в
региональных границах.

Написание брошюры было приурочено к 185-летию
со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

Под редакцией профессора В. П. Невской
(г. Ставрополь)

ISBN 5-93750-062-8

*...И моря синяя пустыня
Еще откликнется в груди.
И друг пока еще Мартынов,
И неизбежность впереди.*

В. Богданов «Лермонтов в Тамани»

«С ТЕХ ПОР ПРОШЛО ТЯЖЕЛЫХ МНОГО ЛЕТ...»

Историко-филологическая литература, посвященная Николаю Соломоновичу Мартынову (1815-1875) - убийце М. Ю. Лермонтова, - довольно обширна, что и нашло свое отражение, в частности, в библиографии к статьям «Дуэли», «Мартынов», «Мартыновы» в «Лермонтовской энциклопедии» (1. с. 150-154; 271-272).

Чуть более 10 лет назад один из авторов предлагаемого очерка совместно с ярославским лермонтоведом О. П. Поповым опубликовал их понимание динамики и конечной сути взаимоотношений М. Ю. Лермонтова и Н. С. Мартынова (см.: «Истоки трагедии». - 2 с. 36-49). Не все из сказанного тогда бесспорно, в чем убедили дальнейшие разыскания, связанные с вынужденным перемещением научно-педагогической Школы В. Б. Виноградова из криминально-сепаратистской Чечни на Кубань в 1992 г. (3), а также и некоторые новые возможности лермонтоведения, открывшиеся в 1990-х годах в условиях усиления историографической и источниковой базы за счет привлечения ранее практически недоступных трудов, изданных за рубежом.

К тому же, именно в г. Армавире жизненная судьба и творчество Н. С. Мартынова стали объектом пристального внимания ряда представителей Школы в контексте

интенсивной разработки нового интегрированного учебного курса, успешно внедряемого в практику общего и вузовского образования (см., например: 4; 5. С. 130-139; 6).

За минувшие годы к «мартыновской проблематике» в границах Кубани и всего Северного Кавказа обращались (кроме уже упомянутых в примечаниях В. Б. Виноградова и О. М. Лариной) О. С. Токарева (7. С. 28-30; 8. С. 29-31), А. В. Виноградов (9. С. 55-60; 10. С. 52-60; 11. С. 13-14), О. Н. Терещенко (12. С. 27-28); В. С. Хрипунова (13. С. 29-31).

Настало время подвести некоторые итоги, весьма небесполезные, как нам представляется, для уяснения собственно кавказских контуров трагедии 15 июля 1841 г., когда длительно нараставший межличностный и общественный конфликт разрешился убийством одного из участников роковой дуэли, гибелью гениального литератора России.

КУБАНЬ-1837 год

Странное дело: в ряде обобщающих работ 1980-х годов, посвященных героям нашего очерка, не нашлось места для упоминания кубанских обстоятельств их встреч и творческих контактов в 1837 г. (см., например: 1. С. 271-272; 14. С. 200-214).

Вместе с тем, уроженец г. Армавира, видный лермонтовед В. А. Захаров, долго проработавший в Доме-музее М. Ю. Лермонтова в Тамани (см.: 15. С. 9-32), не раз обращался к эпизоду, связанному с контактом на Кубани

Лермонтова и Мартынова. В своей последней книге он представляет этот сюжет так:

«В Ольгинском (укреплении, - Авт.) произошла встреча М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым, которому с Лермонтовым был отправлен пакет с письмами от родителей из Пятигорска».

5 октября 1837 г. Мартынов писал отцу из Екатеринодара: «Не могу сделать вам лучшего подарка для дня вашего рождения, милый папенька, как объявить вам, что экспедиция наша кончена. Второго периода не будет и может быть, на днях мы будем отправлены обратно в полки. Все это решил приезд Государя. Он хотел сделать какую-нибудь милость для здешних войск и не мог лучше угадать, как дав им отдых, тем более, что люди очень истощены и значительно претерпели в первый период... Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил, но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письма также пропали; но он само собою разумеется, отдал мне свои! Если вы помните содержание вашего письма, сделайте одолжение, повторите; так же и сестер попросите от меня! Деньги я уже все промотал, приехав в Екатеринодар, как дикой, набросился на все увеселения; случай удобный: у нас теперь ярманка».

Много лет спустя это письмо родственники Мартынова выдавали как оправдательный документ, находя причину дуэли в том, что якобы Лермонтов прочел письма, в которых было много невыгодного о нем, и не захотел отдавать их Мартынову...» (16. С. 19).

Похоже так же, что 1837 г. стал началом литературно-творческого соперничества наших героев (при всей разности меры их одаренности). Хорошо известно, что кавказские впечатления первой лермонтовской ссылки легли в основу содержания повестей «Героя нашего времени» и, в частности, повести «Бэла», ранее всех остальных опубликованной (уже в начале 1839 г.).

Куда менее популярен другой факт. Свое пребывание в закубанской экспедиции 15 мая - 2 сентября 1837 г. Н. С. Мартынов попытался художественно описать в неоконченной (точнее сказать: только лишь начатой) повести «Гуаша» («грустной недоконченной истории двух отдельных существований, из которых я случайно вырвал несколько листков»), (5. С. 130-140).

Действие происходит в Ольгинском укреплении, «в Черномории, на левом берегу Кубани, верстах в 80 от Екатеринодара». Автор рисует необыкновенно колоритную «совершенно отдельную от мира кавказскую жизнь» российского офицерства, где люди не отличаются по «степени благовоспитанности», а «по действительным достоинствам»; где «настоящие коренные кавказцы» составляют молодых рассказами о «прежних экспедициях и давно совершенных походах»; где нет пороков петербургского общества: «эгоизма, тщеславия, интриг, фанфаронства»; где между людьми складываются простые и естественные отношения...

«Гуаша» повествует о трогательной привязанности юной (почти подростка) черкешенки и русского офицера («Долгорукого»), причем Н. С. Мартынов не ограничива-

ется только описанием их чистых, целомудренных отношений и сопутствующих событий. Написанная «экспозиция» повести изобилует сценами быта и жизни горцев, российских офицеров, картинками живописных окрестностей. В некотором роде «Гуаша» представляется как бы энциклопедией жизни населения Кубани 1830-х гг. и достойна самого внимательного изучения (7. С. 29-30).

Незавершенная повесть «Гуаша» не имеет даты. Но очень похоже, что этот опыт в прозе служил цели своеобразного ответа лермонтовской «Бэле» из «Записок офицера на Кавказе». Причем молодой князь Долгоруков в ней и сам по себе, и в своем отношении к юной черкешенке приобрел явные черты антипода Печорину, в котором Н. С. Мартынову (и вовсе не только ему!) наверняка виделись иные из лермонтовских черт. К тому же, в «Гуаше» автор присваивал себе полномочия некоего арбитра в оценке достоинств и недостатков российского офицерства на Кавказе, причем приоритет безусловно отдавался тем, кто не подвергся развращающему и циничному влиянию «света» (к ним, разумеется, Мартынов причислял и себя), (2. С. 43-46).

В последние годы все явственнее осознается (а отчасти уже и решается) задача специального исследования идейной и сюжетно-образной переклички «Гуаши» с лермонтовскими «Бэлой» и «Кавказцем» (1841 г.), (2. С. 43-46; 7. С. 30; 9. С. 56-57; 10. С. 54-56). Притом, следует, вероятно, отказываться от прямолинейной оценки вторичности, отражательности литературных опытов Н. С. Мартынова. Например, в отношении первоначального

«открытия» реального типажа и художественного образа «настоящего кавказца» можно с большой долей уверенности предполагать известный приоритет впечатлений тех, кто на Кубани раньше М. Ю. Лермонтова прикоснулся к этой проблеме и чьи конкретные впечатления и наблюдения могли быть известны ему, учитывая личное знакомство и степень взаимного расположения и определенного единомыслия (А. А. Бестужев-Марлинский - 1836 г., Н. С. Мартынов - 1837 г.), (10. С. 54-57).

Все вышеизложенное отнюдь не снимает проблемы попыток творческого соперничества, которые оказались со стороны Н. С. Мартынова несостоятельны, неплодотворны, что вряд ли подогревало его симпатии к нарастающей, как шквал, славе нового литературного светила России. «Ведь никто из нас, конечно, не подозревал великого таланта Лермонтова» (А. М. Меринский).

ЧЕЧНЯ И КАВМИНВОДЫ - 1840 год.

Это - самый решающий год в истории длительных взаимоотношений двух молодых людей. Он подготовил почву для последующей трагедии.

Н. С. Мартынов встретил его, будучи уже на Кавказе (после небольшого перерыва) в чине ротмистра Гребенского казачьего полка. В мае 1840 г. М. Ю. Лермонтов, вторично сосланный сюда, по дороге останавливался в Москве. Характерно письмо матери Мартынова, посланное сыну 25 мая: «Лермонтов у нас чуть не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык, и хотя он высказывает полную дружбу к

твоим сестрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их...»

Беспокойство матери оказалось не праздным. К лету 1840 г. достоянием читающей России стал лермонтовский роман, включавший в себя повесть «Княжна Мери». Первый же его рецензент В. Г. Белинский писал: «Бывшие там (на Водах, - Авт.) удивляются непостижимой верности, с какой обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности». еще определеннее слова Н. М. Сатина: «Те, кто были в 1837 г. в Пятигорске, вероятнее, давно узнали и княжну Мери и Грушницкого».

Процесс «узнавания» оказался (по крайней мере для части общества) болезненно связан с семьей Мартыновых. Современное лермонтоведение согласно, что Н. Мартынов является одним из прототипов Грушницкого и допускает, что он сам понимал это. Но, вслед за Э. Герштейн, отвергает популярную ранее версию об отождествлении его сестры Натальи Мартыновой с княжной Мери.

Для нас не имеет значения литературоведческий спор о прототипах. Нам важно знать, что об этом думали, что могли домысливать тогдашние читатели, в том числе и сами Мартыновы, в первую очередь Николай. А его, судя по ряду свидетельств, донесших до нас расхожую молву, роман должен был остро задеть. Причем, при всей своей ограниченности, Мартынов наверняка понимал, что если он тотчас и круто изменит отношение к автору романа (не говоря уж о прямом «выяснении отношений»), то тем самым лишь подтвердит справедливость слухов

и пересудов (как зло шутил А. С. Пушкин: «Завоет сдуру - это я!»). Кстати, именно так объяснил его дальнейшее поведение В. С. Оболенский: не желая компрометировать сестру, Мартынов оставался внешне в приятельских отношениях с Лермонтовым.

И тот, либо ничего не подозревая, либо игнорируя догадки и сплетни, не изменял, как представляется, своей задиристо-приятельской, насмешливой манеры держаться с Мартыновым. Взаимные вышучивания, колкости, иногда доходившие до опасной черты, были нормой... Казалось, ничто не предвещало приближающейся развязки!...

Напомним, однако, что конфликт нарастал летом и осенью 1840 г., когда оба активно участвовали в широкомасштабных военных действиях в Чечне, при совершенно разных мотивах этого участия. Н. С. Мартынов «делал» дальнейшую карьеру, «самоутверждал» себя. М. Ю. Лермонтов отбывал ссылку и мучительно искал способы выхода в отставку (подробно см.: 2. С. 33-36). И вполне естественно, что на фронте военных действий в Чечне, как никогда и нигде ранее, выявилось полярно противоположное восприятие этих событий у двух офицеров. Мартынов убежденно и яро воспевал жестокую военно-экспедиционную практику царских войск; Лермонтов глубоко и горько задумывался над военными действиями на Кавказе, осуждал их как средство решения проблем, стоящих перед Родиной (17. С. 161-181; С. 3-65; 19. С. 14-26). Свои взгляды, чувствования оба выразили, в частности, в стихотворной форме.

Мы не только разделяем, в основном, систему доводов и толкований М. М. Уманской по поводу сопоставления тематически и стилистически близких произведений «Валерик» и «Герзель-аул» (20; 21. С. 401-413), но и развиваем ее, приводя новые доказательства нарастания внутренних противоречий, соперничества, раздражения, даже «лютой ненависти» (Фр. Боденштедт), охватывавших Н. Мартынова и вряд ли замечаемых Лермонтовым, ибо, внешняя респектабельность отношений вводила в заблуждение большинство окружающих и самого доверчивого к старым друзьям и приятелям поэта (см., например: 18. С. 60-64; 2. С. 48-49; 13. С. 29-31 и др.).

Но долго так длиться уже не могло!

ПЯТИГОРСК, МАШУК - 1841 год

В феврале 1841 г., не дожидаясь возобновления сезона репрессивных походов в глубь Чечни и Дагестана, оставив только что поэтически воспетую «удалую Гребню» (Гребенских казаков) лицом к лицу с их свирепыми врагами, 25-летний офицер-волонтер, кавалер ордена «Святой Анны» Н. С. Мартынов в чине майора вышел в отставку и стал вести жизнь «кавказского денди» (П. К. Мартьянов). Вряд ли он был, как считают некоторые, безоглядным трусом. Он - профессиональный военный, связавший со службой свою карьеру... Но еще он - человек исключительного себялюбия, красавец и позер, ищущий и находящий успех у дам...

Такой не может не дорожить жизнью. И кровавая реальность очередной (едва ли не самой сильной) вспыш-

ки так называемой Кавказской войны, огромные, невиданные прежде потери в ходе боев, вероятно, потрясли его, заставив остро задуматься о возможности собственной гибели, породили страх за свою жизнь («Герзель-аул»: «И я спросил себя невольно: «Ужель и мне так умереть?...»).

Не тут ли главная причина отставки и превращения в статского повесу, всячески щеголявшего своим экзотическим видом, знанием местной обстановки, утрирующего вкусы горцев и казаков в костюме, замашках и прочем?..

М. Лермонтов в ту пору отсутствовал на Кавказе, находясь в отпуске, полученном (вместо вымаливаемой отставки) за геройское поведение в боях. Кроме решения огромного круга литературных дел, он бывал в свете и переживал апогей своей творческой славы...

Последнее скрещение жизненных троп произошло в третьей декаде мая 1841 г. Оно было недолгим и, в принципе, мало что добавило к сложившимся ранее взаимоотношениям. Но чувствовалось какое-то тревожное напряжение.

Потом, уже следственной комиссии, Н. С. Мартынов жаловался, что с самого приезда в Пятигорск Лермонтов «не упустил ни одного случая, где бы мог сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости насмешки на мой счет...»; упоминал о некоем «откровенном разговоре» с ним «недели три назад, во время его болезни». Лермонтов же в те дни пребывал в «странном расположении духа: то грустен, то вдруг становился он жел-

чным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем окружающем...». Его мучили предчувствия скорой смерти (Е. Щеголев).

Все это, между прочим, происходило в годовщину лермонтовского приезда в Чечню в 1840 г., где впервые вплотную столкнулся он с ужасающей реальностью войны против горцев, которая вызвала переворот в его мировоззрении, окончательно развела его с воинственными бравадой и шовинизмом Мартынова и подобных ему. И оставалось всего несколько дней до возвращения на поле военных действий, где вновь поджидали ежеминутный риск, постылая офицерская служба, разлука со всем, что было дорого, неопределенная по времени отсрочка выполнения обширных, выстраданных литературных планов...

Н. С. Мартынов не мог и не хотел видеть смятенного состояния мыслей и чувств Лермонтова. Он весь замкнулся на себе самом, ревниво искал удовлетворения своего болезненного тщеславия.

И вот, воспользовавшись известным поводом на вечере у Верзилиных в начале второй декады июля, он вызвал поэта на дуэль, и 15 июля по чрезвычайно жесткому протоколу поединка М. Ю. Лермонтов был убит. Н. С. Мартынов отделался наказанием нравственного характера. Примечательно, что «Мартынов стрелял в Лермонтова, зная, что тот в него не целится и не выстрелит...» (22. С. 105-128). Это, как будто бы, очевидно усугубляет его вину...

Литература о трагической дуэли поистине огромна. И если мы вновь обращаемся к ней, то только в связи с

фактами, до недавнего времени остававшимися в тени, или просто умалчиваемыми. Заслуга извлечения их из забвения целиком принадлежит упоминавшемуся выше В. А. Захарову, опубликовавшему недавно соответствующие статьи в малодоступном периодическом издании (23; 24).

Приведем необходимое.

«...Ссора, которая произошла на вечеринке в доме Верзилиных и на которую тогда никто почти не обратил внимания, задела Николая Мартынова, как говорится, «за живое».

Да, Лермонтов совершил недопустимый поступок, - он обозвал своего друга «месье Пуаньяр», т. е. «месье Кинжал». На первый взгляд, ничего предосудительного в этом прозвище не было, тем более, что Мартынов, хотя и был в отставке, но носил прежнюю («гребенскую», - Авт.) военную форму - черкесску, на поясе которой был прикреплен кинжал. Правда, размер его был нестандартный, он был значительно длиннее обычного. Следует заметить, что среди пятигорского «водяного общества» знали второе, истинное значение этого прозвища, которое было несколько хулиганским. И произошло оно из-за постоянного хвастовства Мартынова, любившего рассказать о своих любовных подвигах. Знали об этом прозвище и дамы, которые тоже втихомолку посмеивались...

Мы знаем, что Мартынов был излюбленным объектом карикатур, часто не совсем приличных, которые Лермонтов оставлял в альбомах пятигорских друзей. И в них кинжал Мартынова обыгрывался довольно недвусмысленно.

После этого становится совершенно объяснима реакция Мартынова. Он вспылил, когда в маленькой зале Трубецкой, громко игравший на рояле, неожиданно оборвал аккорд, и все услышали голос Лермонтова, обращенный к Левушке Пушкину, - два друга о чем-то оживленно говорили, стараясь перекричать музыкальный инструмент. Конец фразы, сказанной по-французки, «месье Пуаньяр с диких гор», услышали все.

И всем, конечно, стало ясно, о ком идет речь, дамы хихикнули, «Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам, - вспоминала Эмилия Шан-Гирей, - и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз я просил вас оставить свои шутки при дамах», и так же быстро отвернулся и пошел прочь, что не дал опомниться Лермонтову, и на мое замечание: язык мой - враг мой, М. Ю. отвечал спокойно: «Это ничего, завтра мы снова будем добрыми друзьями».

Но, как вспоминал один из участников этой вечеринки, офицер Диков, «когда они отошли от дому на порядочное расстояние, М. подошел к Л. и сказал ему:

- Л., я тобой обижен, мое терпение лопнуло: мы будем завтра стреляться; ты должен удовлетворить мою обиду.

Л. громко рассмеялся:

- Ты вызываешь меня на дуэль? Знаешь, М., я советую тебе зайти на гаупвахту и взять вместо пистолета хоть одно орудие; послушай, это оружие вернее - промаху не даст; а силы поднять у тебя станет.

Все офицеры захохотали. М. взбесился:

- Ты не думай, что это была шутка с моей стороны.

Л. засмеялся.

Тут, видя, что дело идет к ссоре, офицеры подступили к ним и стали говорить, чтобы они разошлись...»

Однако Мартынов не успокоился. Дуэль была назначена на 15 июля, Лермонтов прибыл на нее из Железноводска. В кофейне в селении Каррас к ним присоединились остальные участники поединка. Их было шесть человек. Но, по другим свидетельствам, кроме четырех секунданта и двух поединщиков, было еще не менее трех свидетелей. И тем не менее все знали, что дуэль закончится выстрелами в воздух и даже заказали ящик шампанского, надеясь выпить его на обратном пути...»

Возможно, так бы все и произошло... Но по воспоминаниям князя Б. А. Васильчикова - сына лермонтовского секунданта, введенных в оборот в нашей стране только в 80-е годы при переиздании Э. Герштейн книги «Судьба поэта»: «...Лермонтов поднял дуло пистолета вверх и, обращаясь к моему отцу, громко, так, что Мартынов не мог не слышать, сказал: «Я в этого дурака стрелять не собираюсь!»... Мартынов вспыхнул... и спустил курок. Лермонтов упал как подкошенный... Мартынов подбежал со словами: «Миша, прости!». Страх, потрясение овладели всеми; никто не был готов к такому повороту дела... (сравните: 25, - Авт.).

Из-за ничтожной ссоры мы потеряли великого поэта. Трудно себе представить. Но что было, то было... гибель следует отнести на счет одной из тех чистых случайнос-

тей, которых, к сожалению, в жизни бывает довольно много...»

Трудно не согласиться! Однако, еще Пастер сказал: «Случай помогает подготовленному уму». Стечение обстоятельств 15 июля 1841 года было подготовлено многолетними событиями и условиями близкого знакомства и характеристическими свойствами дуэлянтов, предопределившими кавказские контуры трагедии.

«Неисповедимы пути Господни!»...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лермонтовская энциклопедия / Под ред. В. А. Мануйлова. Москва: Советская энциклопедия. 1981.

2. **Виноградов В. Б.** Памяти вечная нить. Грозный: Чеч.-Инг.: кн. изд-во. 1988.

3. Историческое регионоведения Северного Кавказа - вузу и школе. Материалы Шестой Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию научно-педагогической Школы В. Б. Виноградова. Часть 1. Армавир. 1999.

4. **Виноградов В. Б., Ларина О. М.** История Кубани в русской художественной литературе (до начала XX века). Программа интегрированного курса для школ, гимназий и лицеев (10 - 11-е классы). Армавир. 1994.

5. История Кубани в русской художественной литературе (досоветский период). Часть 1. X - середина XIX века. Хрестоматия к интегрированному учебному курсу для школ, гимназий, лицеев и вузов. / Сост. В. Б. Виноградов, О. М. Ларина. Армавир. 1996.

6. **Виноградов В. Б.** Интегративные спецкурсы - следствие вузовского регионоведения // Инновационные процессы в высшей школе. Тезисы V Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар. 1999.

7. Токарев О. С. Н. С. Мартынов и Кубань // Археология и краеведение Кубани. Материалы IV межвузовской студенческо-аспирантской конференции. Краснодар-Армавир. 1996.

8. Токарев О. С. Эпизод доблести линейцев в Кавказской войне // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Материалы научно-просветительской конференции. Армавир. 1996.

9. Виноградов А. В., Виноградов В. Б. «Настоящий кавказец» и его историко-литературные прототипы // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 2. Армавир. 1997.

10. Виноградов Алексей. Лермонтовская Кубань (историко-литературоведческие этюды). Армавир. 1997.

11. Виноградов А. В. Один из образцов российскости в лермонтовском «Кавказце». // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. Армавир. 1999.

12. Виноградов В. Б., Терещенко О. Н. А. А. Бестужев-Марлинский об одном кавказском приеме «огненного контакта» // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Первой региональной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир-Железноводск. 1998.

13. Виноградов В. Б., Хрипунова В. С. Линейные казаки в поэме Н. С. Мартынова «Герзель-аул» // Там же.

14. По лермонтовским местам. Москва: Профиздат. 1986; второе, дополнительное издание. Москва: Профиздат. 1989.

15. Сборник 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань Лермонтова. Таманский музейный комплекс. Ст. Тамань. 1996 г.

16. Захаров В. А. Лермонтов на Кубани. Москва. 1998.

17. Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. «Речка смерти» и мечта о мире // Лермонтовский сборник. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1981.

19. Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. Черты «невольного сближенья». Некоторые штрихи к истории создания стихотворения «Валерик» // Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. Грозный. 1982.

20. Уманская М. М. Лермонтов и романтизм его времени. Ярославль. 1971.

21. Уманская М. М. Из истории литературных отношений Лермонтова и Мартынова. «Валерик» - «Герзель-аул» // Страницы истории русской литературы. Москва: Наука. 1971.

22. Латышев С. Б., Мануйлов В. А. Как погиб Лермонтов. Ответ И. Д. Кучерову и В. К. Стешицу // Русская литература. 1966. № 2.

23. Захаров Владимир. Михаил Лермонтов: «Я в дурака стрелять не собираюсь» // Трибуна. 3 июля 1998 г. №№ 124-125.

24. Захаров Владимир. А был ли заговор? Кто виноват в гибели Михаила Лермонтова: Государь, свет или неосторожность поэта? // Трибуна. 28 июля 1999 г. № 139.

25. Недавно, в контексте превосходной характеристики М. Ю. Лермонтова как боевого, умелого офицера и искусного воина, коснулся его дуэти с Н. С. Мартыновым Олег Владимирович Матвеев - способнейший и перспективный историк Кубани, горячо уважаемый и любимый (хотя, порой, и оспариваемый) нами (см.: Матвеев Олег. «...И казак душой». К 185-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова // «Казачьи вести». № 40 - 44 (256-260). 8 октября 1999 г. С. 16-17). Им приводятся фрагменты других (известных и В. А. Захарову) воспоминаний, плотно сцепливаются иные сколы информации о личных свойствах именитых дуэлянтов...

Все мы знаем изречение одного из великих предшественников: «Крайности - всегда легки». Склонны полагать, что лобовое, нарочито контрастное противопоставление двух разных людей, идеализация одного и демонизация другого, уже изживает себя в совокупности использования всех доступных нам материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

«С тех пор прошло тяжелых много лет...»	3
Кубань - 1837 год	4
Чечня и Кавминводы - 1840 год	8
Пятигорск, Машук - 1841 год	11
Примечания	17

Научное издание
ВИНОГРАДОВ Алексей Витальевич,
ВИНОГРАДОВ Виталий Борисович

ЛЕРМОНТОВ И МАРТЫНОВ: КАВКАЗСКИЕ КОНТУРЫ
ТРАГЕДИИ
(историко-литературоведческий очерк)

Под редакцией профессора В. П. Невской

Издание осуществлено за счет средств авторов.

Подписано в печать 09.11 2001 г. Формат бумаги 60x84/32 Бумага газетная
Печать офсетная Усл. п. л. 0,625 Изд. п. л. 0,75. Заказ № 4432 п. Тираж 1000
Государственное унитарное предприятие «Армавирское полиграфпредприятие»
департамента по делам средств массовой информации, печати, телерадиове-
щения и средств массовых коммуникаций администрации Краснодарского края.
352900 Россия, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.

ВИНОГРАДОВ

Борис Степанович

Наш дед и отец был совершенным вузовским преподавателем и крупным ученым-филологом, специалистом по проблеме «Кавказ в русской литературе XVIII - XIX веков». Автор нескольких монографий и более сотни научных статей, он в нашей семье - основоположник и лермонтоведения, начало которого было ознаменовано статьей «М. Ю. Лермонтов - командир казачьей сотни», вышедшей в г. Грозном ров-

но полвека назад (подробности судьбы и творчества см.: **Виноградов Борис Степанович (1910 - 1980). Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 3. Био-библиографический очерк. Армавир. 1994. 22 с.)**).

Выдающийся лермонтовед, лауреат Ленинской премии, профессор И. Л. Андроников писал ему в августе 1970 г.: «...С радостью прочел Ваше письмо, как все, что выходит из под Вашей руки. Талантливый Вы человек, очень хороший, очень тонкий, очень скромный и очень ранимый. Это все - от таланта. Кому что дается, то недаром, а за счет чего-то: Господь вычитает за перерасход...»

А. В. и В. Б. ВИНОГРАДОВЫ.